

А. И. Эверстов

**ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ
И ВЫДЕЛЕНИЮ ДЕПРЕССИВНЫХ ТЕРРИТОРИЙ:
ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
Якутск, Россия

Поступила в редакцию 11.07.2025 г.

Принята к публикации 23.09.2025 г.

doi: 10.5922/vestniknat-2025-4-6

90

Для цитирования: Эверстов А. И. Подходы к определению и выделению депрессивных территорий: экономико-географический аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные науки. 2025. №4. С. 90 – 104. doi: 10.5922/vestniknat-2025-4-6.

Изучение пространственного развития территорий является одной из актуальных задач общественной географии XX – XXI вв. В эпоху современной глобализации и трансформации мировой экономики, усиления агломерационных эффектов и концентрации экономических сил и населения в немногочисленных центрах проблема развития, оздоровления и возрождения депрессивных и периферийных территорий приобретает особое значение. Цель данной статьи – провести критический анализ понятия «депрессивная территория» и близких по значению к нему, выявить критерии и подходы к выделению таких территорий, отметить меры по преодолению социально-экономической депрессии территории. В результате проведенного исследования показано, что депрессивные территории сформировались при ведущей роли экономических факторов (экономические кризисы, реформы), при этом они неспособны самостоятельно выйти из сложившейся ситуации без целевой государственной поддержки. Проанализированы такие сходные по значению дефиниции, как «маргинальная территория» и «маргинализация», «периферия» и «периферизация», «оставленные места», «поляризация». На основе отечественных и зарубежных работ, а также авторской методики обозначено шесть основных подходов к выделению депрессивных территорий: производственно-транспортный, социальный, финансовый, демографический, экологический, субъективный. Предложена система показателей, характеризующих депрессивную территорию в соответствии с выделенными подходами. Отмечены меры по преодолению социально-экономической депрессии и возможные пути оздоровления и возрождения данных территорий.

Ключевые слова: депрессивная территория, критерии депрессивности, пространственное развитие, периферия

Введение

Неравномерность социально-экономического развития территорий — одна из главных проблем пространственного развития современной России, вызванная прежде всего переходом от плановой экономической системы к рыночной, интеграцией в мировую глобальную экономику, а также рядом объективных (географическое положение, природные условия и ресурсы, статусная рента территорий и т.д.) и субъективных факторов. Все эти факторы стали катализаторами резкого роста градиентов социально-экономического развития. Так, Т.Г. Нефедова относит к периферийной зоне почти 70 % территории России, характеризующихся сложными природными условиями, расположенных вне зоны сплошного освоения и имеющих крошечные очаги интенсивного освоения. Их отличительными особенностями являются оторванность от основных дорожных коммуникаций и главной оси расселения, высокий миграционный отток населения, резкое снижение темпов производства, износ инфраструктуры, а также фактическое отсутствие перспектив развития [17]. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы социально-экономического оздоровления и возрождения таких территорий, поиска мер, способствующих минимизации негативных трендов трансформации пространства. Изучение депрессивных территорий требует более детального анализа самого понятия, выделения критериев депрессивности и подбора мер по поддержке таких территорий.

91

Цель исследования — проанализировать существующие трактовки понятия «депрессивная территория» и близких к нему по значению, определить подходы к выделению депрессивных территорий и критерии депрессивности, а также обозначить меры по оздоровлению и социально-экономической поддержке данных территорий.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели были проанализированы и обобщены работы отечественных и зарубежных специалистов, посвященные изучению развития и оценке депрессивных территорий за разные периоды, включая научные статьи, материалы конференций, диссертации, монографии, на основе которых выделено шесть подходов к идентификации депрессивных территорий: производственно-транспортный, социальный, финансовый, демографический, экологический и субъективный. В настоящем исследовании применяются такие методы, как сравнительный анализ работ отечественных и зарубежных авторов, а также методы систематизации и обобщения полученных результатов при определении подходов и критериев выделения депрессивных территорий.

Теоретические основы определения депрессивной территории

В научном дискурсе нет единого определения понятия депрессивной территории, а также общепринятой методики ее выделения. Изучение таких территорий носит междисциплинарный характер. Поэтому уместно рассмотреть, как трактуется данное понятие в социально-экономической (общественной) географии и в экономике.

Крупные российские ученые-экономисты в области изучения депрессивных территорий В.Н. Лексин и А.Н. Швецов дают следующее определение депрессивных территорий: «такие территориальные образования, в которых по экономическим, политическим, социальным, экологическим и иным основаниям перестали действовать условия и стимулы развития; эти территориальные образования не могут рассчитывать на саморазрешение депрессивной ситуации и требуют для этого чрезвычайной, специально организованной поддержки извне, со стороны государства в целом» [14, с. 94]. Данная трактовка фокусирует внимание на том, что не только экономические, но и иные факторы могут стать причиной депрессивности территории и что без целенаправленной поддержки государства данные территории рискуют оказаться центрами не только экономической, но и политической и экологической напряженности.

М.В. Мильчаков рассматривает депрессивные территории как регионы и города, находящиеся в кризисном состоянии экономики в нисходящей фазе экономического цикла, отмечая, что на муниципальном уровне риски депрессивности усиливаются вследствие высокой доли в этих регионах индустриальных городов с монопрофильной экономикой [15].

Г.Б. Дугарова определяет процесс депрессии как сложное социально-экономическое явление, отражающееся на всех сферах жизнедеятельности населения и характеризующееся спадом производства, ростом безработицы, снижением уровня и качества жизни населения, ростом заболеваемости, смертности, преступности, ухудшением психологического состояния населения и даже возникновением национальных конфликтов [5].

А.В. Лапин рассматривает депрессивную территорию как имеющую однородную структуру и расположенную в границах одного муниципального образования. Она отличается тем, что ее основные социально-экономические показатели в течение определенного времени находятся за пределами допустимых диапазонов значений [13].

На сегодняшний день статус депрессивных территорий не определен в российском законодательстве, хотя были попытки внедрения этого понятия. Так, в 2003 г. был разработан проект федерального закона «Об основах федеральной поддержки депрессивных территорий Российской Федерации» [20], где под депрессивной территорией понималась территория субъекта РФ либо ее часть (муниципальные образования), в основной отрасли (отраслях) экономики которой имеет место спад производства.

Кроме того, следует отметить принятые в 2014 г. постановления Правительства РФ «О критериях отнесения муниципальных образований РФ к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения» [19] и распоряжения к нему с перечнем монопрофильных муниципалитетов РФ [21], где выделены три категории монопрофильных муниципалитетов, для каждой из которых определен целый комплекс критериев: монопрофильные муниципалитеты с наиболее сложным социально-экономическим положением, с риском ухудшения социально-экономического

положения и со стабильной социально-экономической ситуацией. Фактически речь идет именно о депрессивных территориях, несмотря на используемое более «экономизированное» определение.

Депрессивные территории, согласно взглядам исследователей, приведенным выше, могут быть последствиями как длительного негативного тренда социально-экономического развития (существование таких территорий было реальией и советского времени, но официально не отмечалось), так и перехода к рынку и последующих постсоветских процессов развития. Большинство исследователей полагают, что депрессивность в наибольшей степени проявляется на региональном и муниципальном уровнях как следствие высокой доли индустриальных городов с монопрофильной экономикой, а также ограниченного набора факторов конкурентоспособности российских регионов и муниципалитетов применительно к мировому рынку.

При изучении депрессивных территорий важно четко отличать это понятие от других, близких ему. Анализ научной литературы показывает, что с понятием «депрессивные территории» тесно связаны такие дефиниции, как «маргинальная территория», «маргинализация», «периферия», «периферизация», «оставленные места», «поляризация».

Термины «маргинализация» и «маргинальные территории» получили широкое распространение в зарубежной общественной географии (особенно в Италии, что вполне объяснимо) [23–25; 30]. Единого определения понятия «маргинализация» не существует, однако на основе опубликованных работ можно обобщить, что маргинализация представляет собой длительный, негативно направленный процесс социально-экономического развития, в результате которого территория «исключается» из общего процесса развития [1]. Одновременно это и результат поляризованного развития, притом имеющий длительный характер проявления [31]. Маргинализацию и депрессивность видится необходимым рассматривать как следствие и причину, при этом аспекты маргинализации не ограничиваются только экономикой и социальным развитием, как это характерно для депрессивных территорий, но включают также культурные, политические и экологические аспекты.

Результатом маргинализации является формирование маргинальных территорий, характеризующихся длительной и прогрессирующей стагнацией, ведущей к высоким социальным и экологическим издержкам, а также демографическим спадом и ослаблением предложения основных социальных услуг [23]. Вместе с тем отмечается, что маргинальные территории обладают эндогенными (внутренними) ресурсами, которые часто недоиспользуются или не используются, но могут иметь решающее значение для восстановления и развития этих территорий.

Под периферией понимаются слаборазвитые территории с замедленной модернизацией, служащей источником ресурсов и потребителем инноваций; зависимая от центра территория, получающая, но не создающая различные инновации [12]. Периферия рассматривается в различных аспектах: с точки зрения расстояния от административного центра и социально-экономических позиций территории; в рамках особенностей внутрисистемных различий и отношений между центральными и отдаленными территориями; по степени связанности с центром,

наличию устойчивых расколов, по динамике изменения положения в центропериферийной системе, по характеру отношений между ядром (центром) и периферией. Можно сказать, что депрессивные территории в нынешних их кризисных состояниях вполне являются периферией. Их отличие от периферии заключается в превалировании объективных, негативно направленных трендов экономического и социального развития, тогда как периферия трактуется более широко.

Процесс периферизации представляет собой пространственное расширение периферийных территорий, сопровождаемое негативными социально-экономическими процессами и их нисходящей динамикой, растущей зависимостью слаборазвитых территорий от своих центров [1]. Данный процесс обратен централизации – концентрации экономических сил и населения в небольшом числе центров, при этом между ними существует взаимосвязь, так как усиление централизации расширяет периферизацию [10].

Близкое к периферизации понятие – поляризация. Под ней понимается процесс крайней дифференциации, когда формируются «полюса» с положительными (наиболее благоприятными) и отрицательными (наименее благоприятными) значениями при одновременном «истончении» средних показателей [9]. Исследователи считают, что экономическое развитие усиливает поляризацию: формируются центры роста и депрессивные территории [2; 18]. Кроме того, отмечается большая выраженность поляризации на внутрорегиональном уровне по сравнению с межрегиональным. «Маркером» поляризации считают так называемую биполяризацию – изменение медианного класса показателей (сокращение или сближение), в результате которого происходит кластеризация показателей полярных групп [2]. Выделяют также отдельные виды поляризации: экономическую, социальную, экистическую (расселенческую), демографическую, поляризацию отдельных процессов социально-экономического развития. Они могут протекать одновременно и различимы в рамках конкретных исследований [9].

К понятию «периферия» тесно примыкает еще одно, относительно новое, – «оставленные места» (left behind places). Данный термин, появившийся еще в 1960-е гг., стал активно использоваться после мирового финансового кризиса 2008 г. для определения бывших развитых территорий, пострадавших от последствий глобализации, урбанизации, экономических и технологических изменений, внутривнутриполитических и геополитических кризисных явлений, результатом которых стало выраженное устойчивое отставание от ведущих экономических центров и последующее нарастающее социальное и культурное восприятие этих территорий как «оставленных» и «брошенных» [12]. Данный термин, в отличие от понятия «депрессивные территории», в пространственном отношении дополняется не только экономическими аспектами, но включает и другие многочисленные взаимосвязанные измерения: социальные, политические, экологические, культурные, институциональные, медицинские, то есть факторами «отставания» территории становятся не только экономические. Также необходимо отметить, что одной из важнейших проблем, свойственных «оставленным местам», является связь между давно существующими экономическими пробле-

мами и вопросами привязанности и принадлежности: жители этих территорий чувствуют себя «брошенными», что усиливает их недовольство и неудовлетворенность сложившейся экономической, социальной и политической ситуацией и вызывает ощущение игнорирования и пренебрежения со стороны столичных центров. Обращение к «оставленным местам» успешно используют в ходе своих избирательных кампаний популистские политики, еще больше разжигая эти чувства, привлекая новых сторонников и представляя свои предвыборные программы как единственное решение проблем жителей этих территорий [28].

Таким образом, принципиальным отличием депрессивных территорий от вышеупомянутых является, на наш взгляд, ведущая роль экономического фактора, приведшего к отставанию в социально-экономическом развитии территории, по сравнению с политическими, культурными или экологическими. Кроме того, данные территории не могут рассчитывать на самостоятельное разрешение сложившейся депрессивной ситуации и требуют для этого чрезвычайной, специально организованной целевой государственной поддержки извне.

Подходы к выделению депрессивных территорий

На основе анализа отечественных методик выделения депрессивных регионов (рассматривались именно они в связи со специфическим характером российского пространства, испытавшего разнонаправленные процессы постсоветской трансформации) можно отметить, что единого методологического подхода к выделению таких территорий не существует и авторы предлагают различные критерии выделения на основе выбранных ими социально-экономических показателей.

Особый интерес представляет методика выделения депрессивных регионов России по М. В. Мильчакову [15]. Она включает шесть ключевых индикаторов: индекс промышленного производства, внебюджетные инвестиции в основной капитал на душу населения, доходы консолидированного бюджета региона на душу населения, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, стандартизированный коэффициент смертности от внешних причин и коэффициент миграционного прироста. По ним проводится процедура ранжирования регионов и отбор наиболее депрессивных: низкий ранг (порядковый номер) соответствует более благоприятной ситуации, а максимальный получают регионы с худшей ситуацией. Далее ранги каждого региона суммируются и выделяются 25 % регионов с максимальной и 25 % – с минимальной суммой рангов. В целях отделения от слаборазвитых регионов М. В. Мильчаков использует три дополнительных условия:

– не менее чем по трем из шести показателей регион должен попадать в число 25 % субъектов РФ с максимальным рангом (наиболее кризисной ситуацией);

– ни по одному из шести показателей регион не должен попадать в категорию 25 % субъектов РФ с минимальным рангом (наиболее благоприятной ситуацией);

– показатель инфраструктурной освоенности, измеряемый на основе густоты железнодорожных путей общего пользования, должен быть не ниже среднероссийского значения.

Не менее интересной представляется методика в виде двухэтапной процедуры, предложенная Г. Б. Дугаровой [5] и основанная на выделении минимального набора индикаторов социально-экономической обстановки (спад производства, уровень безработицы и миграционный отток населения) и оценивании степени депрессивности путем сравнения с состоянием, принимаемым за норму, с состоянием других территорий и прежним положением рассматриваемой территории. Такой подход объясняется тем, что избыточное число критериев затрудняет процедуру выбора. Названные три критерия определяются как основные. После выявления по ним наиболее депрессивных территорий проводятся уточнение и корректировка по ряду дополнительных критериев, таких как денежные душевые доходы, состояние жилищного фонда, социальной инфраструктуры, здравоохранения, уровня заболеваемости, смертности населения и др. Кроме того, особо стоит отметить, что автор при определении уровня бедности на депрессивных территориях в качестве основного метода исследования применяет социологический опрос населения изучаемой территории [6].

А. В. Лапин [13] также придерживается минимального набора показателей при выделении депрессивных территорий, используя следующие:

– динамика производства: объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг по муниципальному образованию (для территорий с преобладанием сельского хозяйства – продукция сельского хозяйства в фактических ценах) за 3 года ниже или равен 75 %;

– уровень доходов: коэффициент отношения денежных доходов населения по муниципалитетам к прожиточному минимуму по региону за 3 года подряд менее 1,5;

– уровень безработицы: отношение числа зарегистрированных органами занятости безработных к численности экономически активного населения в среднем по году за 3 года подряд превышает 3 %.

Депрессивными считаются территории, отвечающие всем трем вышеперечисленным критериям депрессивности в совокупности.

Весьма интересным представляется предложенный М. Н. Исянбаевым [7; 8] кластерный анализ уровня социально-экономического развития муниципалитетов субъекта на основе оценки 13 базовых показателей: производство промышленной продукции, продукции сельского хозяйства, потребительских товаров, уровень концентрации основных производственных фондов народного хозяйства, общий объем инвестиций, среднемесячная заработная плата, доходы населения, доходы бюджета, расходы бюджета (вышеупомянутые показатели – в расчете на 1 жителя, тыс. руб.), обеспеченность жильем (в расчете на 1 жителя, м²), обеспеченность врачами (в расчете на 10 тыс. населения, чел.), обеспеченность детей дошкольными образовательными учреждениями (%) и уровень безработицы (%). Далее автор проводит кластеризацию территории путем выделения 3 групп муниципалитетов по уровню со-

циального-экономического развития: развитые (муниципалитеты, превышающие среднерегionalный уровень по 10–13 показателям), относительно благополучные (по 7–10 показателям), депрессивные (по 8 и более показателям).

В так и не принятом Госдумой вышеупомянутом законопроекте «Об основах федеральной поддержки депрессивных территорий РФ» [20] предлагались следующие критерии выделения депрессивных территорий:

- расположение в пределах одного или нескольких муниципальных образований, в том числе входящих в состав одного или нескольких сопредельных субъектов РФ;
- однородность структуры экономики депрессивной территории в каждом муниципальном образовании, входящем в состав данной территории;
- многократный (в 3 и более раза) спад производства в основной отрасли (отраслях) экономики данной территории, произошедший в течение последних 12 лет;
- значительное отставание от средних по стране показателей в течение 3 лет: уровень безработицы, соотношение денежных доходов и величины прожиточного минимума.

В постановлении Правительства РФ от 2014 г. «О критериях отнесения муниципальных образований РФ к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения» [19] применяется ряд признаков для отнесения муниципалитетов к монопрофильным (депрессивным по своей сути) с наиболее сложным социально-экономическим положением, среди которых отметить следующие:

- градообразующее предприятие прекратило производственную деятельность и (или) в отношении него инициирована процедура о признании несостоятельности (банкротства);
- имеется информация о планируемом высвобождении работников градообразующей организации в количестве, превышающем 10 % среднесписочной численности работников этой организации;
- уровень регистрируемой безработицы в муниципалитете в два и более раза превышает средний уровень безработицы по РФ;
- социально-экономическая ситуация в муниципалитете оценивается населением как неблагоприятная (по результатам социологических опросов).

На основе анализа существующих методик выделения депрессивных территорий можно обозначить шесть основных подходов, каждый из которых включает определенный набор социально-экономических показателей:

- 1) производственно-транспортный;
- 2) социальный;
- 3) финансовый;
- 4) демографический;
- 5) экологический;
- 6) субъективный.

Рассмотрим каждый из них подробнее.

Производственно-транспортный подход — выделение депрессивных территорий на основе показателей, характеризующих динамику и состояние производства в целом и его отраслей в частности, а также уровень развития и состояние транспортной системы («кровеносной системы» экономики). В целом для таких территорий характерен резкий спад промышленного производства в результате прекращения деятельности или банкротства градообразующего предприятия, низкий объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг, слабая транспортная доступность и связность.

Социальный подход — выделение депрессивной территории на основе низких уровней социального развития, уровня и качества жизни, получения социально значимых услуг, состояния социальной инфраструктуры, человеческого капитала, состояния здоровья населения, уровня образования, преступности и др.

Финансовый подход — депрессивная территория характеризуется низким уровнем душевых доходов населения и заработной платы, слабой инвестиционной привлекательностью, значительной дотацией бюджета.

Демографический подход — выделение депрессивной территории на основе продолжающегося высокого миграционного оттока, высокой смертности, в том числе младенческой, низкой рождаемости, отрицательного естественного прироста и низкой средней ожидаемой продолжительности жизни населения.

Экологический подход — оценка состояния окружающей среды на основе таких показателей, как количество выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и гидросферу (при этом маркером депрессивности выступит не столько рост, сколько резкое падение их объемов вследствие закрытия промышленных производств, а не внедрения новых технологий), а также удельный вес населения, обеспеченного некачественной питьевой водой, и т. д.

Субъективный подход — оценка местным населением социально-экономической ситуации территории как неблагополучной (например, по результатам социологических опросов). Обычно для таких территорий характерна идентификация населением своей территории как «оставленного, брошенного места», что впоследствии приводит к такому же восприятию ее жителями других территорий, ограничивая возможности для развития. Здесь прослеживается сходство с территориальной стигматизацией — переформатированием пространства с субъективно-негативной оценкой территорий как «порочных» [30], происходящим под влиянием отдельных социальных групп, присваивающих территориям стигмы-ярлыки [32]. Территориальная стигматизация имеет динамический характер, это косвенная и вредная форма действия посредством коллективных оценок, закрепленных общественным сознанием [11], преодолеть которые достаточно сложно [26; 27; 29].

Основные показатели, характеризующие каждый из подходов, отражены в таблице.

Основные показатели подходов к выделению депрессивных территорий

Подход	Показатели
Производственно-транспортный	Спад производства (индекс промышленного производства); показатель инфраструктурной освоенности, измеряемый на основе густоты железнодорожных путей общего пользования; объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг (для территорий с преобладанием сельского хозяйства – продукция сельского хозяйства в фактических ценах); уровень концентрации основных производственных фондов народного хозяйства; прекращение деятельности градообразующего предприятия или его банкротство; <i>доля дорог, приведенных в нормативное состояние; индекс транспортной связанности; плотность путей сообщения</i>
Социальный	Уровень безработицы; отношение числа зарегистрированных органами занятости безработных к численности экономически активного населения; уровень заболеваемости; обеспеченность жильем; обеспеченность врачами; обеспеченность детей дошкольными образовательными учреждениями; <i>уровень преступности; объем потребления алкоголя; доля официально зарегистрированных больных алкоголизмом и наркоманией; уровень образования; доля лиц (предприятий), использующих высокоскоростной Интернет</i>
Финансовый	Общий объем инвестиций; внебюджетные инвестиции в основной капитал на душу населения; доходы консолидированного бюджета региона на душу населения; расходы бюджета на душу населения; среднемесячная номинальная начисленная заработная плата; коэффициент отношения денежных доходов населения по муниципалитетам к прожиточному минимуму по региону; <i>покупательная способность населения; удельный вес населения с доходами ниже прожиточного минимума</i>
Демографический	Стандартизированный коэффициент смертности от внешних причин; коэффициент рождаемости; коэффициент миграционного прироста; коэффициент естественного прироста; средняя продолжительность жизни; <i>уровень младенческой смертности; коэффициент нагрузки трудоспособного населения детьми и старшими возрастными</i>
Экологический	<i>Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, гидросферу; удельный вес населения, обеспеченного некачественной питьевой водой; доля перерабатываемых отходов; доля экологически нарушенных территорий в общей площади</i>
Субъективный	Оценка местным населением социально-экономической ситуации на территории (по результатам социологических опросов)

Примечание: курсивом выделены показатели, предложенные автором.

Составлено на основе [5–8; 13; 15; 19; 20; 22].

Меры по преодолению социально-экономической депрессии

Как отмечалось выше, депрессивные территории неспособны самостоятельно выйти из сложившегося кризиса и нуждаются в государственной помощи. Закономерно возникает вопрос о возможных путях выхода из данной ситуации. На сегодняшний день в России нет разработанной единой общедолевой методики оценки и поддержки депрессивных территорий, поскольку данный термин отсутствует в законодательстве. Вместе с тем существуют принципы распределения дотаций, субсидий и субвенций для проблемных регионов. Но в любом случае важно понимать, что простое пополнение бюджета не устраняет первопричин депрессии. Для получения целевой помощи такие территории должны разработать программу социально-экономического развития на основе многоуровневой системы управления с участием муниципальных, региональных и федеральных властей.

Варианты преодоления депрессии могут быть самые разные. Но в любом случае они должны учитывать «реалии на земле», специфику условий местности, географическое положение, современное социально-экономическое положение территории, а также ее природно-ресурсный и социально-демографический потенциал.

Анализ отечественных и зарубежных работ показал следующие варианты выхода из территориальной депрессии:

- полная переориентация отраслевой структуры производства, кардинальная смена специализации района [5], диверсификация экономики;
- снижение институциональных барьеров (уменьшение или устранение бюрократических препятствий) [16];
- маркетинг и брэндинг территории (выявление уникальных характеристик территорий с целью привлечения к ним внимания заинтересованных сторон) [3; 4; 25];
- раскрытие и использование собственного природно-ресурсного потенциала (внутреннего, так называемого эндогенного [23], потенциала территории) и развитие наиболее конкурентоспособных производств [5];
- формирование особых территориальных структур и зон территориального развития, ответственных за поддержку определенных отраслей и территорий (например, кластеры, территории опережающего социально-экономического развития) [15];
- поддержка развития человеческого потенциала;
- стимулирование развития «полюсов роста» в регионе;
- кардинальные односторонние государственные мероприятия (например, целенаправленная миграция населения из депрессивных районов с помощью государственных органов; в случае если данная территория не обладает достаточным природно-ресурсным потенциалом, она имеет мало шансов на возрождение прежних производств, в перспективе ее ждет ликвидация поселений вместе с градообразующими предприятиями [5].

Исходя из сказанного можно выделить ряд мер, которых применимы в отношении депрессивных регионов России. Это поддержка и развитие

туризма, в том числе экологического и этнографического (Алтай, Тыва, Калмыкия, Карелия, Забайкалье), поддержка малого и среднего бизнеса, сельского хозяйства (Еврейская АО, Калмыкия, Алтай, Тыва, Чувашия, Марий Эл, Забайкалье), развитие транспортной инфраструктуры (например, Тыва (железнодорожная линия Курагино – Кызыл), Алтай (железнодорожная линия Бийск – Горно-Алтайск)), стимулирование роста инвестиционной привлекательности за счет дотаций и налоговых преференций (Курганская, Псковская области).

Заключение

Анализ отечественных и зарубежных работ, посвященных изучению депрессивных территорий, показал отсутствие единой трактовки данного понятия и единого методологического подхода к идентификации таких территорий. Несмотря на это, в целом можно констатировать, что депрессивность территорий, согласно современным исследованиям, может быть обусловлена как длительным негативным трендом социально-экономического развития, так и последствиями перехода к рыночной экономике и дальнейших постсоветских процессов развития. Большинство исследователей полагают, что депрессивность в наибольшей степени проявляется на региональном и муниципальном уровнях вследствие высокой доли индустриальных городов с монопрофильной экономикой, градообразующие предприятия которых в постсоветское время либо обанкротились, либо были ликвидированы.

Проанализированы сходные по значению дефиниции, такие как «маргинальная территория» и «маргинализация», «периферия» и «периферизация», «оставленные места», «поляризация». Принципиальным отличием депрессивных территорий от всех перечисленных является превалирующая роль экономических факторов (экономические кризисы, реформы), приведших к таковому состоянию.

Охарактеризовано шесть основных подходов к выделению депрессивных территорий, каждый из которых включает в себя ряд социально-экономических показателей. Однако современные тенденции усиления пространственной неравномерности территорий актуализируют дальнейшие исследования по данной тематике с углублением и расширением исследующих депрессивные территории подходов.

Список литературы

1. Анохин А. А., Кузин В. Ю. Подходы к выделению периферии и периферизация в пространстве современной России // Известия Русского географического общества. 2019. Т. 151, №1. С. 3–16. doi: 10.31857/S0869-607115113-16. EDN: ZHUFOP.
2. Анохин А. А., Кузин В. Ю. Трансформация современной методологии и трендов исследования поляризации // Известия Русского географического общества. 2021. Т. 153, №5. С. 3–20. doi: 10.31857/S0869607121050025. EDN: GQHVIP.
3. Беляев В. И. Маркетинг территорий и преодоление депрессивного состояния регионов России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2008. №3 (4). С. 46–61. EDN: KGCYFH.

4. *Депрессивный Алтай: анализ социально-экономической ситуации в крае и направления выхода из кризиса* : монография / под ред. В. В. Мищенко. Барнаул, 2006. EDN: RXKCHF.

5. *Дугарова Г. Б. Депрессивные районы в территориальной структуре Республики Бурятия (на примере Закаменского района)* : дис. ... канд. геогр. наук. Иркутск, 2001.

6. *Дугарова Г. Б. Депрессивные территории Бурятии: опыт социально-географического исследования* // География и природные ресурсы. 2009. №4. С. 124–128. EDN: KZECXZ.

7. *Исянбаев М. Н. Депрессивные территории: механизмы управления социально-экономическим развитием* // Вестник евразийской науки. 2018. Т. 10, №6. С. 14. doi: 10.15862/01ECVN618. EDN: YXYTQT.

8. *Исянбаев М. Н. Депрессивные территории: сущность, формирование, принципы выделения* // Вестник ВЭГУ. 2017. №4 (90). С. 51–57. EDN: ZDAYUH.

9. *Кузин В. Ю. Виды поляризации и современные особенности их исследования* // Вестник Удмуртского университета. Сер. Биология. Науки о Земле. 2022. Т. 32, №4. С. 494–503. doi: 10.35634/2412-9518-2022-32-4-494-503. EDN: USWLUZ.

10. *Кузин В. Ю. Периферизация как тренд пространственного развития России* // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2019. Т. 5, №2. С. 11–25. EDN: CKNEPN.

11. *Кузин В. Ю. Стигматизация: основы и перспективы изучения процесса в социально-экономических исследованиях* // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2021. Т. 7, №1. С. 34–46. EDN: TUDXIX.

12. *Кузин В. Ю. Центр-периферийная теория в пространственном развитии: критический анализ* // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2024. №2. С. 57–67. doi: 10.5922/vestniknat-2024-2-4. EDN: GHUOIP.

13. *Лапин А. В. Депрессивные территории Пермского края: идентификация и совершенствование управления* // Вестник Пермского университета. Сер.: Экономика. 2016. №4 (31). С. 150–163. doi: 10.17072/1994-9960-2016-4-150-163. EDN: XDYBSZ.

14. *Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития*. М., 2007.

15. *Мильчаков М. В. Факторы и динамика развития депрессивных регионов и городов России* : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2012.

16. *Морозова Т. В., Козырева М. В., Сухарев М. В., Белая Р. В. Депрессивные территории России: институциональные модели развития и методологические подходы исследования* // Интернет-журнал «Науковедение». 2016. Т. 8, №1 (32). doi: 10.15862/68EVN116. EDN: PNHAEI.

17. *Нефедова Т. Г. Российская периферия как социально-экономический феномен* // Региональные исследования. 2008. №3. С. 91–93. EDN: NEATQH.

18. *Остапенко Е. А. Зарубежный опыт управления региональной пространственной поляризацией* // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16, №5. С. 816–830. doi: 10.24891/re.16.5.816. EDN: XNSRJR.

19. *О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости*

от рисков ухудшения их социально-экономического положения : постановление Правительства РФ от 29.07.2014 г. №709. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. *Об основах* федеральной поддержки депрессивных территорий Российской Федерации : проект федер. закона от 10.10.2001 г. №91010-3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. *Об утверждении* перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) : распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 г. №1398-р (ред. от 21.01.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Сафиуллин Р.Г., Сулейманова А.Б. Экономико-географические подходы к исследованию депрессивных территорий // Вестник Башкирского университета. 2006. Т. 11, №4. С. 65–67. EDN: ICKEBJ.

23. Ricci A., Biggeri M., Ferrannini A. Integrated local development in Mediterranean marginal territories: The case study of Casentino (Italy), Algarve (Portugal) and Corse (France) // Region. 2019. Vol. 6, №1. P. 1–16. doi: 10.18335/region.v6i1.208.

24. Barbanente A., Grassini L. Landscape regeneration and place-based development in marginal areas: learning from an Integrated Project in Southern Salento // City, Territory and Architecture. 2024. Vol. 11, №26. P. 1–22. doi: 10.1186/s40410-024-00247-3.

25. Ferretti M., Favargiotti S., Lino B., Rolando D. Branding4Resilience: Explorative and Collaborative Approaches for Inner Territories // Sustainability. 2022. Vol. 14, №18. P. 1–33. doi: 10.3390/su141811235.

26. Garbinz D., Millington G. Territorial stigma and the politics of resistance in a Parisian banlieue: la courneuve and beyond // Urban Studies. 2012. Vol. 49 (10). P. 2067–2083. doi: 10.1177/0042098011422572.

27. Gijsberts M., Van der Meer T., Dagevos J. 'Hunkering Down' in Multi-ethnic Neighbourhoods? The Effects of Ethnic Diversity on Social Cohesion // European Sociological Review. 2012. Vol. 28 (4). P. 527–537. doi: 10.2307/23272536.

28. Pike A., Béal V., Cauchi-Duval N. et al. 'Left behind places': a geographical etymology // Regional Studies. Vol. 58, №6. P. 1167–1179. doi: 10.1080/00343404.2023.2167972.

29. Nayak A. Re-scripting place: managing social class stigma in a former steel making region // Antipode. 2019. Vol. 51, №3. P. 927–948. doi: 10.1111/anti.12525.

30. Torabi S., Pignatelli M., Collin A., Lombardi P. Renaissance of villages for the revitalization of marginal areas // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2022. Vol. 1122. P. 1–9. doi: 10.1088/1755-1315/1122/1/012018.

31. *Understanding* Geographies of Polarization and Peripheralization. Perspectives from Central and Eastern Europe and Beyond / ed. by Th. Land, S. Henn, W. Sgibnev, K. Ehrlich. Palgrave Macmillan, 2015. doi: 10.1057/9781137415080.e.

32. Wacquant L., Slater T., Pereira V.B. Territorial stigmatization in action // Environment and Planning A. 2014. Vol. 46. P. 1270–1280. doi: 10.1068/a4606ge.

Об авторе

Алексей Иванович Эверстов – асп., Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Россия.

E-mail: aleverstov@mail.ru

SPIN-код: 2471-4290

A. I. Everstov

APPROACHES TO DEFINITION AND ALLOCATION
OF DEPRESSIVE TERRITORIES:
ECONOMIC AND GEOGRAPHICAL ASPECT

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Received 11 July 2025

Accepted 23 September 2025

doi: 10.5922/vestniknat-2025-4-6

104

To cite this article: Everstov A. I., 2025, Approaches to definition and allocation of depressive territories: Economic and geographical aspect, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural Sciences*, №4. P. 90–104. doi: 10.5922/vestniknat-2025-4-6.

The study of the spatial development of territories is one of the pressing tasks of social geography of the XX – XXI centuries. In the era of modern globalization and transformation of the world economy, strengthening of agglomeration effects and concentration of economic forces and population in a small number of centers, the problem of development, recovery and revival of depressed and peripheral territories is of particular importance. The purpose of this article is to conduct a critical analysis of the concept of “depressive territory” and concepts close in meaning to it, to identify criteria and approaches to the allocation of such territories, to note measures to overcome the socio-economic depression of the territory. The study showed that depressed territories were formed under the leading role of economic factors (economic crises, reforms), while they are not able to independently get out of the current situation without targeted state support. Such similar definitions as “marginal territory” and “marginalization”, “periphery” and “peripheralization”, “abandoned places”, “polarization” are analyzed. The author, based on domestic and foreign works, as well as personal approach, identified six main approaches to identifying depressed territories: production, social, financial, demographic, environmental, subjective. A system of indicators characterizing a depressed territory in accordance with the identified approaches is proposed. Measures to overcome socio-economic depression and possible ways of improving and reviving these territories are noted.

Keywords: depressed territory, criteria of depression, spatial development, periphery

The author

Alexey I. Everstov, PhD student, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia.

E-mail: aleverstov@mail.ru

SPIN code: 2471-4290